

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

**Минин и Пожарский.
Историческая повесть**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иосаф Арианович Л.**
Минин и Пожарский. Историческая повесть / Любич-Кошуров Иосаф Арианович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 140 с.

ISBN 978-5-519-94424-3

ISBN 978-5-519-94424-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мининъ и Пожарскій

Историческая повѣсть.

I.

Раннимъ мартовскимъ утромъ черезъ Москву-рѣку перебирались два человѣка съ баграми въ рукахъ.

Ледъ на рѣкѣ уже растрескался. Въ иныхъ мѣстахъ эти трещины достигали въ ширину аршина и болѣе.

Утро было туманное. Солнце только взошло и скупо свѣтило сквозь туманъ обволакивавшій сплошной густой тяжелой мутью оба берега.

Двое смѣльчаковъ, рѣшившихся въ такое время переправиться черезъ рѣку, подвигались впередъ осторожно, шагъ за шагомъ, то и дѣло тыча передъ собой баграми..

Нѣсколько разъ они останавливались, оглядывались по сторонамъ, и одинъ изъ нихъ, сѣденькій старичекъ въ лаптяхъ съ кожаными подметками не пришитыми къ лаптямъ, а закрѣпленными на нихъ узенькими ремешками, присѣдалъ на корточки и съ очень сосредоточеннымъ видомъ принимался кричать уткой... У него это выходило очень забавно тѣмъ болѣе, что, подражая кряканью утки, онъ тоже какъ утка крыльями взмахивалъ локтями и хлопалъ ими себя по бокамъ по нагольному короткому, немного пониже колѣнъ, полушубку.

Старичекъ былъ охотникъ, промыслялъ то рыбной ловлей, то охотой на дикихъ утокъ и гусей. У него и сейчасъ на поясѣ былъ привѣшенъ (сразу видно что домоцѣльный) самострѣлъ со стальной однако дугой стянutoй

настоящей шелковой тетивой оплетенной посерединѣ, тамъ гдѣ было бьющее мѣсто, тоненькимъ ремешкомъ. Изъ-за пазухи его полушубка застегнутаго только на два нижнихъ крючка, торчали пятокъ стрѣлъ съ оперенными концами.

Звали старичка Силычъ. Его хорошо знали въ «деревянномъ городѣ», гдѣ въ прежнее время появлялся онъ бывало каждый торговый день съ мокрымъ мѣшкомъ, въ которомъ трепыхалась наловленная рыба, или со снизкой подстрѣленной дичи. Онъ славился какъ искусный стрѣлокъ изъ самострѣла. Всѣмъ также было извѣстно въ деревянномъ городѣ, что дугу для самострѣла Силычъ досталъ отъ управляющаго подмосковнымъ имѣніемъ дворянина Похвиснева и что эта дуга настоящая шведская, стоявшая въ свое время хорошихъ денегъ; управлящій подарилъ Силычу дугу въ знакъ благодарности за то, что Силычъ разъ спасъ его отъ неминуемой смерти. Дѣло было такъ.

Въ имѣнье Похвиснева забѣжалъ бѣшеный волкъ. Зачѣмъ-то въ это время случился тутъ и Силычъ.

Какъ только Силычъ услышалъ про бѣшенаго волка, то еще не видя его взобрался на дерево.

Сдѣлалъ онъ это не изъ страха, а потому, что считалъ такой способъ обороны отъ страшнаго звѣря наиболѣе удобнымъ въ его положеніи стрѣлка вооруженнаго лишь самострѣломъ.

Волкъ былъ уже въ двухъ шагахъ отъ управляющаго, когда Силычъ, сказавъ: «А ну-ка во имя Отца и Сына»... нажалъ на спускъ самострѣла.

Стрѣла впиалась волку сверху въ бокъ и прошла въ сердце.

Управляющій предложилъ было Силычу выбрать любой изъ трехъ его мушкетовъ, хранившихся въ кладовой.

Но въ кладовой же валялась и дуга отъ стараго шведскаго арбалета.

Силычъ только мелькомъ взглянулъ на мушкеты и сказалъ управляющему:

— Нѣтъ ужъ, ежели ваша милость будетъ, то дайте мнѣ вонъ эту дужку.

Къ огнестрѣльному оружію онъ относился недовѣрчиво и охотиться съ нимъ считалъ очень убыточнымъ для бѣдныхъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ: стрѣла что стоитъ? почти что ничего. Онъ ихъ самъ дѣлалъ; приходилось только кузнецу заказывать наконецники. Но на наконецникъ шелъ всякій старый гвоздь, всякій обломокъ подковы.

Припасъ для мушкета стоилъ много дороже.

И кромѣ того мушкетъ хлопалъ—распугивалъ дичь.

Здѣсь стрѣльнешь, а ужъ за версту глядишь: закружись въ воздухѣ, загоготали гуси, закрикали утки.

Это ужъ что за охота!

Сидить бывало Силычъ въ камышахъ и крикаетъ по-утиному полузакрывши глаза. Весь міръ забудетъ въ эти минуты и себя забудетъ.

Иногда даже и самъ себя заслушивался.

Крыкалъ онъ по-утиному дѣйствительно такъ, что и въ двухъ шагахъ нельзя было различить—человѣкъ это или настоящая криква притаилась въ камышахъ.

Стрѣлялъ Силычъ утокъ, когда онѣ прилетали на его криканье.

Утки часто опускались на воду отъ него шагахъ въ пяти или того меньше.

Тутъ ужъ промахнуться было нельзя.

Возьметъ Силычъ десять стрѣлъ съ собой—десять селезней и принесетъ. А то и больше.

Стрѣла вѣдь не пуля: пулю, если попалъ ею въ птицу, пожалуй либо только дома найдешь, либо такъ она и пропадетъ,—пробьетъ птицу насквозь и пойдетъ ко дну.

А стрѣду всегда изъ убитой птицы можно вынуть—и опять стрѣлай ей сколько хочешь.

Именно за это Силычъ и любилъ самострѣлъ. /

Онъ и не хлопалъ и не приходилось стрѣляя изъ него тратить на каждую дичь новую стрѣлу.

Онъ и теперь, когда вызвался проводить черезъ Москворѣку ужъ давно скрывавшагося у него въ землянкѣ князя Пожарскаго, захватилъ съ собой самострѣлъ потому именно, что самострѣлъ не хлопалъ.

Силычъ, разумѣется, не собирался охотиться сейчасъ на утокъ или гусей...

И гуси и утки на рѣкѣ еще не появились. По вечерамъ иногда слышалъ Силычъ надъ лѣсомъ пролетающую стаями дикую птицу.

Но дичь не задерживалась пока нигдѣ въ окрестностяхъ и летѣла дальше, на другія угодья...

И кричалъ Силычъ по-утиному, для чего то присаживался всякій разъ на корточки, тоже не затѣмъ, чтобы подманывать утокъ.

Онъ подавалъ этимъ сигналы на ту сторону рѣки. Тамъ ихъ ждали. Все было условлено заранѣе.

Уже когда Силычъ и его спутникъ достигли середины рѣки, и Силычъ здѣсь чуть ли не въ десятый разъ присѣлъ на корточки и закрикалъ особенно настойчиво, въ туманѣ неясно замигала человѣческая фигура.

Черезъ минуту фигура вырисовалась опредѣленнѣй, а еще черезъ минуту Силычъ, приложивъ ладонь къ глазамъ, сказалъ:

— Это должно клюшникъ.

И повернулъ лицо къ Пожарскому.

Пожарскій тоже вглядывался пристально впередъ.

— Должно, клюшникъ, — сказалъ опять Силычъ. — Я ихъ всѣхъ знаю.

Теперь уже совершенно отчетливо можно было разсмотрѣть на льду шагахъ въ сорока впереди высокаго монаха въ подоткнутой рясѣ и тоже какъ Пожарскій и Силычъ съ длиннымъ багромъ или шестомъ въ рукахъ.

Силычъ и Пожарскій пошли ему навстрѣчу.

Сдѣлавъ шаговъ съ десятокъ, Силычъ негромко окликнулъ монаха:

— Отецъ Симонъ!—ты? Я ужъ вижу. Чего не откликался?

Вмѣсто отвѣта монахъ замахалъ на него шестомъ и затѣмъ сталъ дѣлать какіе-то знаки, какъ свободной рукой, такъ и той, въ которой былъ шестъ, указывая назадъ и кивая туда головой.

А когда Силычъ былъ ужъ совсѣмъ близко отъ него зашепталъ, взявъ шестъ въ обѣ руки и снова грозясь имъ:

— Молчи ты... У... старый...

— Э-э...—чуть слышно произнесъ Силычъ...—Что тамъ?

Онъ остановился и сталъ озираться по сторонамъ.

Остановился и его спутникъ.

Пожарскій былъ плотный мужчина лѣтъ тридцати пяти. Одѣтъ онъ былъ такъ же какъ и Силычъ: въ нагольный полушубокъ и въ лапти съ кожаными подметками, какія тогда носили крестьяне.

Только лицо его и руки были побѣлѣй чѣмъ у Силыча.

Онъ супулъ одну руку въ карманъ полушубка и, не вынимая ея оттуда, спросилъ вполголоса:

— Не ладно что-нибудь?

— Ляхи,—отвѣтилъ монахъ, понизивъ голосъ какъ раньше, почти до шопота.

Силычъ тихонько присвистнулъ.

У монаха были густыя и жесткія какъ щетина черныя брови. Онъ бросилъ изъ-подъ нихъ на Силыча свирѣпый взглядъ и, взмахнувъ багромъ, нацѣлился его концомъ прямо Спутнику въ грудь.

— Тутъ тебѣ...—сказалъ онъ...—Молчи...

— Много?—спросилъ Пожарскій.

— Разъѣздъ,—отвѣтилъ монахъ.—Дозоромъ идутъ. Конные... Они каждый день... Слышь?..

И, повернувъ лицо въ сторону берега, все еще окутаннаго туманомъ, оттопырилъ ухо приложивъ къ нему ладонь ребромъ и прислушался.

Но оттуда не доносилось ни одного звука.

— Видно, проѣхали,—сказалъ монахъ,—либо съѣхали съ дороги куда въ сугробъ.

Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

Что-то треснуло громко какъ пистолетный выстрѣлъ, только гдѣ—нельзя было разобрать: впереди-ли, направо-ли, налѣво-ли...

— Это ледъ ломаетъ,—шепнулъ монахъ.—Итти что-ль?.. Силычъ!

— Ась?—шепотомъ отозвался Силычъ.

— Ты-бы сходилъ туда... Можетъ, проѣхали. Трехъ-то скорѣй примѣтять.

Силычъ досталъ изъ-за пазухи стрѣлы и сталъ ихъ пробовать о палецъ,—какая острѣй. Выбравъ одну, самую острую, онъ сунулъ ее за ухо, вродѣ того, какъ это дѣлаютъ писцы съ перьями, а остальные спряталъ опять за пазуху.

Потомъ онъ перекрестился, поплевалъ на ладонь, чтобы ловчѣй держать шесть, и пошелъ.

— Еще слава тебѣ Господи, что туманъ,—сказалъ монахъ, глядя ему вслѣдъ.

Силычъ безшумно потонулъ въ туманѣ.

Опять гдѣ-то на рѣкѣ громко, какъ изъ ружья, треснуло. Треснуло еще разъ уже дальше... Потомъ треснуло у противоположнаго берега.

Монахъ глядѣлъ на солнце все ярче разгоравшееся сквозь туманъ и однако не разсѣивавшаго эту окутывавшую рѣку молочно-бѣлую мглу и говорилъ:

— Теперь пойдетъ ломать... Гляди, завтра и рѣка тронется.. Во-зремя поспѣли...

— Большой дозоръ?—перебилъ его Пожарскій.

— Человѣкъ съ восемь.

— Такъ...

— Они вѣдь каждыдень,—зашепталъ монахъ.—И-и, Боже мой... Ни проходу, ни проѣзду. Строго стало. Да ничего, мы управляемся.

Онъ лукаво прищурился, глядя на Пожарскаго:—Вчера это не отъ твоей милости пришли двѣ подводы съ мукой?..

— Знаю,—сказалъ Пожарскій,—Силычъ говорилъ... Я думалъ, догадаются.

— Не... По мѣшку сняли... Это имъ. Ужъ такое положеніе. И при Жолкѣвскомъ тоже такъ: идетъ обозъ—«Чьи люди?»—«Монастырскіе».—«Проходи съ Богомъ». Вотъ кабы овесъ или сѣно, можетъ и остановили-бы. Сейчасъ у нихъ насчетъ этого плохо. Лошадей много, а кормы, говорятъ, совсѣмъ подобрались.

Вдали закрикала утка.

— Силычъ,—сказалъ монахъ и также какъ Силычъ, когда собирался на развѣдку, прислонилъ багоръ къ лѣвому плечу и поплевалъ на ладонь. Потомъ, оглядѣвъ Пожарскаго съ головы до ногъ, спросилъ:

— А ты, князь, какъ? Совсѣмъ пустой или захватилъ что на случай? У меня вотъ есть.

И все держа багоръ у лѣваго плеча, отвернувшись полу подрысника и выставивъ впередъ ногу въ валеномъ подшитомъ желтой кожей сапогѣ; изъ-за голенища сапога почти на четверть торчала костяная рукоять кинжала.

— Есть и у меня,—сказалъ Пожарскій.—Пойдемъ. У меня пистоль.

Они пошли.

На ходу, идя впереди и ощупывая багромъ дорогу, монахъ говорилъ:

— А то неровенъ часъ. Мало ли что. Этотъ дозоръ прошелъ, глядишь слѣдомъ другой... Да, тутъ колдобина, князь... Гляди... Они, говорятъ, теперь такъ и спятъ въ доспѣхахъ... Попадись имъ Ляпуновъ... Эхъ... опять колдобина...

Онъ вдругъ повернулся къ Пожарскому.

— И скажи на милость,—воскликнулъ онъ,—вѣдь вотъ сюда шелъ, крѣпко было, а теперь на-поди, ступить негдѣ.

II.

Когда Силычъ былъ уже совсѣмъ недалеко отъ берега, впереди него блеснуло небольшое пламя.

Силычъ остановился и потянулъ носомъ: оттуда, гдѣ блеснуло пламя, шелъ запахъ разогрѣтой смолы.

Силычъ сейчасъ же сообразилъ, что это такое.

По ту сторону Москвы-рѣки, вдоль стѣнъ деревяннаго города, на буграхъ гдѣ посуше, были вырыты землянки.

Въ землянкахъ жили рыбаки. Должно быть, сейчасъ кто-нибудь изъ нихъ смолилъ лодку.

Силычъ прямо пошелъ на огонь.

Надъ огнемъ чернѣло что-то, вѣроятно горшокъ со смолой или котелъ. Около огня кто-то копошился. На одну минуту совсѣмъ близко около огня освѣтилось бородатое лицо, за тѣмъ тоже на одну минуту рука съ пучкомъ не то соломы, не то мелкаго хворосту.

Силычъ тихонько крикнулъ:

— Эй, землякъ!

Человѣкъ, стоявшій у огня на колѣнкахъ, оперся ладонями о землю и кряхтя сталъ подыматься.

Поднявшись, онъ сказалъ:

— Ась?

Силычъ теперь разглядѣлъ его совсѣмъ хорошо. Онъ былъ высокій и очень худой, съ длинной сѣдой бородой. Онъ стоялъ шагахъ въ трехъ отъ Силыча и глядѣлъ на него щуря глаза и загораживаясь и отмахиваясь рукой отъ бѣлаго тяжелаго дыма, вдругъ повалившаго отъ костра и расплывавшагося густымъ облакомъ по землѣ... Дымъ заволакивалъ его ноги по самымъ колѣна и рѣдѣя поднимался выше.

Онъ закашлялся.

Силычъ зналъ хорошо этого старика. Прозвище ему было Федоръ-Стрѣлецъ.

Федоръ-Стрѣлецъ началъ рыбачить почти съ того же времени какъ Силычъ сдѣлался охотникомъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ.

Стрѣльцомъ его называли, потому что онъ раньше дѣйствительно служилъ въ стрѣльцахъ.

Въ Москвѣ въ тѣ годы у него былъ свой домъ и при домѣ пасѣка и огородъ. Въ тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ Федоръ-Стрѣлецъ сталъ негоденъ для царской службы: ему при пробѣ одной изъ новыхъ пушекъ отлитой мастеромъ-нѣмцемъ сильно повредило ногу... Не одного его тогда изувѣчило: пушку разорвало у самаго запала; вся запальная часть разлетѣлась на мелкіе куски.

Многіе, кто стоялъ близко около пушки, на всю жизнь стали калѣками.

Федору пришлось уйти со службы.

Была у него торговля медомъ и медовымъ квасомъ — пришлось и торговлю оставить. Проболѣлъ онъ почти годъ, много истратилъ на леченье. За это время дѣла пришли въ упадокъ. Въ Москвѣ тогда не проходило дня, чтобы не случалось пожаровъ.

Въ одинъ изъ этихъ пожаровъ сгорѣлъ и домъ Федора... Отъ всего его прежняго благополучія осталось только чтобы купить лодку да выселиться за стѣну и выкопать себѣ здѣсь на косогорѣ у рѣки землянку.

Кормился теперь Федоръ - Стрѣлецъ больше Срѣтенскимъ монастыремъ, куда вмѣстѣ съ Силычемъ носилъ на продажу рыбу.

Когда ему попадалась такая рыба, что не стыдно подать къ игуменскому столу, у него былъ праздникъ: игумень всегда платилъ ему лишнее, помня его прежнюю царскую службу, и если Федоръ являлся въ монастырь въ обѣдъ, отсылалъ его въ поварскую, чтобы тамъ онъ поѣлъ монастырскихъ щей и выпилъ монастырскаго квасу.

Федоръ ѣлъ монастырскія щи, а за квасомъ у нихъ съ монастырскимъ поваромъ бывалъ длинный разговоръ о

томъ, какъ дѣлать изъ солода, хмеля и ржаной муки такую брагу, чтобы отъ нея было въ носъ, какъ отъ настоящего крѣпкого меду.

— Оедоръ—сказалъ, Силычъ,—ты давно тутъ? Ляховъ не видѣлъ?

Оедоръ указалъ ему на двѣ круглыя дыры въ дни лодки и отвѣтилъ:

— Сейчасъ тутъ были... Тьфу!—Онъ взмахнулъ руками и хлопнулъ себя ладонями по бедрамъ. — Гляди, что надѣлали!

Дыры въ его лодкѣ были отъ пуль. Онъ сталъ было рассказывать Силычу, какъ это все случилось, какъ подъѣхали къ нему поляки и насмѣхъ, съ единственной цѣлью причинить ему убытокъ, стали стрѣлять въ лодку.

Но Силычъ сказалъ:

— Ладно! починимъ... Далеко они сейчасъ?

— Должно далеко,— отвѣтилъ Оедоръ угрюмо.—А что тебѣ?

Силычъ, не говоря ни слова, перешагнулъ черезъ лодку и только тряхнулъ головой, взглянувъ на пробоины въ ея днищѣ.

— Ты куда?—крикнулъ ему вслѣдъ Оедоръ.

Силычъ, не оборачиваясь, махнулъ назадъ рукой и сталъ взбираться вверхъ по косогору, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ у Оедора была землянка.

Шелъ онъ по косогору немного пригнувшись и очень быстро, будто тамъ, на косогорѣ замѣтилъ какую-то дичину, которую боялся спугнуть и которая того и гляди снимется и улетитъ.

Именно таковы были его движенія — какъ на охотѣ осторожныя и проворныя.

Глядя на него Оедоръ и про лодку забылъ и про топившуюся въ котлѣ надъ огнемъ смола.

Крыша землянки Силыча уже розовѣла отъ солнца; наверху косогора туманъ былъ рѣдѣе.